
Ю. И. СЕМЕНОВ

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО: СПОСОБЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ*

Основное положение марксистского материалистического понимания общества и соответственно его истории состоит в признании экономики фундаментом, базисом общества. Существующая вне и независимо от сознания и воли людей система социально-экономических отношений, определяя их сознание и воли, детерминирует их деятельность, а тем самым всю остальную структуру общества. Но эта детерминация происходит по-разному. Один способ – прямое детерминирование экономикой сознания и воли и тем самым поведения людей – ортодетерминация. Он характерен для капиталистической экономики. Вторым способом – определение сознания и воли и тем самым действий людей через посредство промежуточных звеньев, прежде всего через посредство той или иной формы социальной воли, – трансдетерминация. Трансдетерминация характерна для докапиталистических обществ.

Ключевые слова: материалистическое понимание истории, экономика, социально-экономические отношения, ортодетерминация, трансдетерминация, капиталистическое общество, рынок, товарно-денежные отношения, докапиталистические общества, социальная воля.

Основное положение марксистского материалистического понимания общества и соответственно его истории состоит в признании экономики фундаментом, базисом общества. Под экономикой в данном контексте понимается система социально-экономических (производственных) отношений, являющаяся общественной формой, в которой происходит процесс производства материальных благ. Этот тезис постоянно оспаривался людьми, не приемлющими марксизм. Одни из них полностью его отвергали, другие признавали его частичную правоту. Последние утверждали, что это положение

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00514а «Концептуализация общества в современном социально-гуманитарном и культурно-историческом знании: теоретические и методологические аспекты».

ние, совершенно верное в применении к капиталистическому обществу, ошибочно по отношению ко всем докапиталистическим и вообще некапиталистическим обществам. В XX в. эта точка зрения получила наиболее яркое выражение в работах видного экономиста и историка экономики К. Поланьи.

К. Поланьи полностью признавал справедливость экономического детерминизма, под которым он понимал, в частности, и Марксово материалистическое понимание истории, по отношению к домонополистическому капитализму. При капитализме экономическая система действительно не просто влияет на остальные сферы общественной жизни, но определяет все общественные институты и тем самым все общество в целом¹. Однако распространение экономического детерминизма на все человеческие общества К. Поланьи характеризовал как заблуждение, имеющее своей основой игнорирование коренного отличия экономики примитивного и архаичного общества от капиталистической².

Этот взгляд отстаивал и развивал его последователь, крупный специалист в области экономической антропологии – научной дисциплины, исследующей экономику первобытного общества и традиционного крестьянства, – Дж. Дальтон. «Маркс был неправ, – писал он, – распространяя экономическое детерминирование социальной организации на ранние и примитивные общества. Действительный урок экономической антропологии заключается в том, что экономическая организация в примитивном обществе не оказывает определяющего влияния на социальную организацию и культуру. Скорее, именно родство, племенная принадлежность, политическая власть и религиозные обязательства контролируют, управляют и выражаются в экономике в примитивных обществах»³.

В СССР взгляд, согласно которому экономика определяет характер общества лишь при капитализме, получил известное распространение после XX съезда КПСС (1956 г.), когда появилась определенная возможность свободного обсуждения ряда теоретических проблем общественных наук, включая политэкономиию

¹ Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics. Essays of Karl Polanyi / ed. by G. Dalton. – N. Y., 1968. – P. 61, 70, 71.

² Polanyi K. Op cit. – P. 7–9, 19–23, 30, 65, 84.

³ Dalton G. Introduction to “Primitive, Archaic and Modern Economics. Essays of Karl Polanyi”. – N. Y., 1968. – P. XVII.

и историческую науку (историологию). Все его сторонники объявляли (а некоторые, возможно, искренне считали) себя марксистами.

Одной из первых, если не первой, была специалист по истории России Л. В. Данилова. «Господствовавшие во всех докапиталистических структурах связи, – утверждала она, – были неэкономическими»⁴. При этом она ссылалась на К. Маркса: «Как доказал Маркс, доминантным типом социальных связей в первобытную эпоху являются связи естественные, родоплеменные, в классовых докапиталистических обществах – политические, отношения господства-подчинения»⁵. Ее поддержали философ М. А. Виткин, медиевист А. Я. Гуревич, востоковед Л. С. Васильев⁶.

В самое последнее время из числа тех, кто объявляет себя марксистом, такого рода точку зрения отстаивает философ В. М. Межуев. По его мнению, система социально-экономических отношений стала базисом общества только при капитализме. В античном мире и средневековом обществе Западной Европы это процесс только намечался. А что касается остальных эпох всемирной истории, то в отношении их позиция В. М. Межуева не вполне ясна: то ли в них вообще не было экономики, то ли она существовала, но не была базисом общества. Приписывая подобную точку зрения К. Марксу, он патетически восклицает: «Вот тебе и “экономический историцизм” Маркса, выводящий за пределы экономической истории большую часть человеческой истории»⁷.

Другой современный философ С. Н. Мареев, тоже считающий себя марксистом, утверждает, что экономика определяет иные общественные связи лишь в капиталистическом обществе, а при феодализме, наоборот, политические и правовые связи определяют долю общественного богатства, которое получает человек⁸.

⁴ Данилова Л. В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. – Кн. 1. – М., 1968. – С. 59.

⁵ Там же. – С. 56.

⁶ Виткин М. А. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной // Проблемы истории докапиталистических обществ / отв. ред. М. В. Данилова. – Кн. 1. – М., 1968. – С. 427; Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М., 1970. – С. 49–52, 63; Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / отв. ред. Л. Б. Алаев. – М., 1982. – С. 65.

⁷ Межуев В. М. Маркс против марксизма. – М., 2007. – С. 68.

⁸ Мареев С. Н. Из истории советской философии: Лукач, Выготский, Ильенков. – М., 2008. – С. 109–111.

В действительности же вопреки утверждениям Л. В. Даниловой и В. М. Межуева К. Маркс придерживался прямо противоположного взгляда.

Он, как и Ф. Энгельс, ни в малейшей степени не сомневался ни в существовании докапиталистических экономик, ни в том, что именно на них покоились классовые общества прошлого. Критикуя П. Ж. Прудона, который писал о «внеэкономическом» происхождении собственности, К. Маркс подчеркивал, что «...внеэкономическое происхождение собственности означает не что иное, как историческое происхождение буржуазной экономики, то есть тех форм производства, которые получают теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономии. Но та истина, что добуржуазная история и каждая ее фаза имеют свою экономику и экономическую основу своего движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода *общественном* производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями»⁹.

Изложенные выше взгляды К. Поланьи, Дж. Дальтона, Л. В. Даниловой и других упомянутых лиц далеко не новы и не оригинальны. Еще при жизни К. Маркса отдельные авторы выступали с утверждением, что его положение о системе производственных отношений как основе всех прочих общественных отношений, фундаменте общества в целом, будучи справедливым в отношении капитализма, совершенно неприменимо к добуржуазным обществам.

И К. Маркс давал им совершенно четкий и недвусмысленный ответ: «Поистине комичен г-н Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами – предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира...

⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1858 гг. (первый вариант «Капитала»). – Ч. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 477.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы “К критике политической экономии”, 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом – “экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания”, что “способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще”, – все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир – политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом – католицизм»¹⁰.

Таким образом, К. Маркс считал, что экономика лежала в основе не только капиталистического, но и античного, и феодального обществ. Во всех этих обществах система существующих вне и независимо от сознания и воли, то есть материальных, социально-экономических, отношений определяла, детерминировала сознание и волю людей, живущих в этой системе, а тем самым их деятельность и соответственно все прочие общественные отношения, которые были связями волевыми. Во всех упомянутых обществах экономические связи были определяющими, детерминирующими.

Положение о детерминирующей роли экономики верно по отношению к всем обществам. Все попытки ограничить экономическую детерминацию сознания и воли, а тем самым поведения людей лишь капиталистическим обществом ошибочны. Но эта ошибка имеет под собой серьезное основание. Дело в том, что в капиталистическом обществе, с одной стороны, и во всех докапи-

¹⁰ Маркс К. Капитал. – Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 91–92.

талистических обществах – с другой, экономика детерминировала сознание и волю, а тем самым и поведение людей по-разному, разными способами. Именно абсолютизация этого различия и легла в основу рассмотренных выше взглядов.

Специфика капитализма – наличие и господство *экономического принуждения*. Это означает, что капиталистические экономические отношения выступают как некая объективная, существующая вне и независимо от сознания и воли людей сила, которая прямо, непосредственно определяет волю каждого индивида и тем самым его поведение, по крайней мере в области экономической деятельности. Именно эта особенность капиталистических отношений позволила их открыть. Первыми и долгое время единственно известными экономическими связями были капиталистические. Наука об экономике – политическая экономия – возникла как наука исключительно о капиталистических экономических отношениях и во многом остается таковой и сейчас.

Слово «принуждение» невольно наводит на мысль, что экономические отношения просто заставляют людей действовать именно так, а не иначе вопреки их желаниям, намерениям, стремлениям. Разумеется, бывает и такое. Однако чаще всего экономические отношения определяют волю людей, формируя у них определенные желания, намерения, стремления. Объективным необходимым условием функционирования капиталистического предприятия является получение его владельцем прибыли, прибавочной стоимости, и чем больше размеры этой прибыли, тем успешнее деятельность данной капиталистической хозяйственной ячейки. Поэтому у капиталиста с неизбежностью возникает стремление к получению максимальной прибыли, подлинная жажда прибыли. Ради прибыли он готов на все.

К. Маркс в первом томе «Капитала» привел высказывание английского профсоюзного деятеля и публициста Т. Дж. Даннинга, в котором прекрасно показано значение прибыли для капиталиста. «Капитал, – писал тот, – избегает шума и брани и отличается бояливой натурой. Это правда, но еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал способен на любое применение, при 20 процентах он становится оживлен-

ным, при 50 процентах положительно готов сломить себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, хотя бы под страхом виселицы»¹¹.

У людей, живущих в условиях рыночной экономики, при которой чтобы жить, нужно иметь деньги, с неизбежностью возникает стремление обладать ими, причем по возможности в большем количестве, которое может перерасти в неукротимую жажду денег. Люди ради денег могут пойти на все. Как отмечали все экономисты, при капитализме люди стремятся к достижению личной выгоды. Именно стремление к личной выгоде, жажда денег, погоня за прибылью имеются в виду, когда экономисты говорят об экономических мотивах деятельности людей. Поэтому, может быть, более правильно говорить не об экономическом принуждении, а о прямом экономическом детерминировании воли и тем самым поведения людей.

Наряду с понятием экономического принуждения в литературе широко используется и понятие *внеэкономического принуждения*. Если об экономическом принуждении говорят в основном применительно к капиталистическому обществу, то внеэкономическое принуждение рассматривается как присущее всем типам общества, не исключая, разумеется, и капиталистического.

О внеэкономическом принуждении принято говорить, когда воля и тем самым поведение того или иного индивида определяются какой-то иной волей. Этой иной волей может быть воля другого лица. Но самой важной детерминирующей силой является воля не отдельных индивидов, а та или иная форма социальной воли.

Если понятие общественного сознания давно уже получило право гражданства в науке, то несколько иначе дело обстоит с понятием *общественной воли*. Оно официально не числится в списке категорий общественной науки, хотя используется. Достаточно вспомнить данное основоположниками марксизма определение *права* как *воли господствующего класса*, возведенной в закон¹². В их работах говорится также и о *государственной воле*, *воле госу-*

¹¹ Цит. по: Маркс К. Капитал. – Т. 1. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – С. 770.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 443.

дарства¹³. Другой, кроме права, важнейшей формой социальной воли является *мораль*.

Право предполагает внеэкономическое принуждение в точном смысле слова. От каждого члена общества государство требует соблюдения правовых норм, законов. Обеспечение соблюдения членами общества правовых норм возлагается на аппарат принуждения – государственную машину. Если человек нарушает законы, то он становится преступником, и его карают.

Значительно сложнее обстоит дело с применением понятия внеэкономического принуждения к морали. В отличие от права она не есть воля государства. В идеале она есть *воля общества*. Если правовые нормы зафиксированы в различного рода документах: конституциях, уголовных и гражданских кодексах, отдельных законодательных актах и т. п., то моральные нормы не записаны нигде. Они существуют лишь в общественном мнении. И *общественное мнение* одновременно является единственной силой, обеспечивающей соблюдение норм морали.

Когда человек появляется на свет, он представляет собой всего лишь биологический организм. Затем он шаг за шагом вступает в человеческую среду. Он совершает различного рода поступки, а окружающие его люди определенным образом их оценивают. Для оценки этих действий существуют два основных понятия: добро и зло. Постоянно, повседневно оценивая действия людей как добрые или злые, одобряя одни и осуждая другие, общество тем самым формирует у человека представление не только о том, что делать можно и что – нельзя, но главное – о том, что делать должно.

Самое важное в морали заключается в том, что ее нормы в отличие от права не выступают как что-то внешнее по отношению к человеку. Мораль проникает во внутренний мир человека. Происходит ее *интериоризация* (от лат. *internus* – внутренний), или *интернализация* (тот же латинский корень). Нормы морали закрепляются во внутреннем духовном мире человеке, формируя у него чувства долга, чести и совести. Неуклонное следование велениям долга, незапятнанная честь, чистая совесть становятся для человека величайшими ценностями. Во имя этих ценностей он готов на лишения, даже на смерть. Система этих ценностей выступает перед

¹³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 310.

человеком как идеал, к которому он должен стремиться. В результате перед нами предстают не просто нормы поведения в привычном смысле этих слов, а мощные стимулы, императивы, движущие людьми. И эти стимулы поведения в норме являются у человека более могущественными, чем биологические инстинкты.

При капитализме в сфере экономической деятельности волю того или иного действующего лица определяет в первую очередь не воля других лиц, не проявляющаяся в тех или иных общественных нормах поведения та или иная форма социальной воли (воля общества в целом или отдельных групп людей, прежде всего классов), а прямо, непосредственно безликая сила экономических отношений, в системе которых он живет. Капиталист должен гнаться за прибылью, иначе он перестанет быть капиталистом. Пролетарию не остается ничего другого, как наниматься на работу. Заставляет его это делать не принуждение со стороны капиталиста и не закон, а нужда.

В обыденном сознании власть рыночно-капиталистических отношений над людьми проявляется как господство над ними товара, являющегося всеобщим эквивалентом, деньгами – золотом. Достаточно вспомнить знаменитые куплеты Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст»:

На Земле весь род людской
Чтит один кумир священный.
Он царит над всей вселенной.
Тот кумир – телец златой.
В умилении сердечном, прославляя истукан,
Люди разных каст и стран
Пляшут в круге бесконечном,
Окружая пьедестал, окружая пьедестал.

Этот идол золотой
Волю неба презирает,
Насмехаясь, изменяет
Он закон небес святой.
В угожденье богу злата
Край на край идет войной.
И людская кровь рекой
По клинку течет булата.

Люди гибнут за металл, люди гибнут за металл.
Сатана там правит бал, там правит бал¹⁴.

Если при капитализме работник сам, по собственной воле является к капиталисту, то совершенно иначе обстоит дело с рабом. В результате захвата или покупки один человек становится собственностью другого. Первый работает на второго потому, что его заставляет это делать либо сам рабовладелец, либо лица, уполномоченные последним. Если он попытается уклониться, его накажут. А за рабовладельцем стоит государство, по законам которого один человек может быть полным собственником другого человека. Воля раба определяется волей его хозяина и стоящего за ним общества с его законами.

В обществе с крепостным правом крестьянин вынужден работать на помещика потому, что государство прикрепило его к данному поместью и обязало отдавать часть своего труда его хозяину.

В раннем первобытном обществе существуют моральные нормы, которые обязывают каждого трудоспособного его члена делиться добытой им пищей и другими продуктами с остальными его членами.

Короче говоря, во всех этих обществах воля людей в сфере экономической деятельности определяется чьей-то другой волей: индивидуальной либо социальной, или вместе взятыми. В раннем первобытном обществе нет ничего похожего на стремление к личной выгоде, не говоря уже о жажде денег и погоне за прибылью. В этом смысле в раннем первобытном обществе даже в области экономической деятельности, не говоря уже об остальных сферах жизни, нет никаких экономических мотивов в привычном смысле этих слов. Вот отсюда и делается вывод об отсутствии в докапиталистических обществах экономики и вообще чего бы то ни было экономического.

«Главная моя мысль, – писал, например, в одной из своих работ крупный американский экономист Р. Хайлбронер, – может быть сформулирована кратко: в этих (докапиталистических. – Ю. С.) обществах предмет нашей науки, то есть экономика как таковая,

¹⁴ Барбье П. Ж., Карре М. (в пер. В. Калашникова). Куплеты Мефистофеля // Фауст. Музыка Гуно. – М., 1885. – С. 18–19.

отсутствовал. На протяжении большей части своей истории человечество прекрасно обходилось без всякой экономики»¹⁵.

Но если в этих обществах воля индивидов в сфере экономической деятельности определяется социальной волей и основанной на ней волей других индивидов, то естественно возникает вопрос об источнике, детерминанте этой социальной воли.

В применении к раннему первобытному обществу, не знающему деления на классы с противоположными интересами, имеются все основания говорить о воле общества в целом, воле социоисторического организма. Эту волю обычно именуют моралью. Содержание данной воли общества определяется его интересами. Эти интересы объективны. Своими корнями они уходят в систему социально-экономических отношений, образующую базис общества. Таким образом, в основе первобытной морали лежит первобытная экономика.

Необходимое условие существования любого общества – наличие в нем одной, единой власти, одной основной социальной воли, которой должны подчиняться все его члены. Любое классовое общество всегда расколото на группы людей с разными (более того, во многом противоположными) интересами и тем самым различными по содержанию волями. В таком обществе обеспечить бытие одной власти можно только одним способом: навязать волю одного класса всему обществу. Сделать это можно лишь силой: экономически господствующему классу нужно создать особый аппарат насилия, не совпадающий прямо с обществом, внешне стоящий над обществом, и с его помощью превратить свою волю в господствующую, обязательную для всех членов общества. Эта особая машина принуждения – государство. Вместе с государством возникает право. Как уже указывалось, оно – воля господствующего класса, возведенная в закон. Содержание правовых норм, или законов, определяется интересами господствующего класса, которые порождены его местом в системе социально-экономических отношений. Интересы господствующего класса диктуют и линию поведения государства – его политику. Таким образом, в основе бытия в классовом обществе государства и права лежат социально-

¹⁵ Хайлбронер Р. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 42.

экономические отношения. Они определяют характер и правовых, и политических отношений.

Примат экономики по отношению к праву и политике при капитализме признают не только марксисты, но и многие обществоведы, не приемлющие материалистического понимания истории. Последние, как мы уже видели, считают, что данное положение неприменимо к некапиталистическим обществам. Но, как наглядно явствует из всего сказанного выше, отношения между экономикой и правом, экономикой и политическими институтами в главном и основном одинаковы и в капиталистических, и в некапиталистических классовых обществах: везде государство и право порождены расколом общества на классы, коренящимся в отношениях частной собственности, отношениях по распределению средств производства. Везде социальная воля детерминируется системой социально-экономических отношений.

Отличие капиталистических социально-экономических отношений от некапиталистических заключается в другом. Капиталистические экономические отношения детерминируют сознание и волю людей двумя разными способами. Один из них – прямое определение воли и тем самым поведения, действий людей – *ортодетерминация, ортодетерминирование* (от греч. *орθός* – прямой). Он имеет место в сфере экономической деятельности. Второй способ – определение воли и тем самым действий людей через посредство промежуточных звеньев, прежде всего через посредство той или иной формы социальной воли – *трансдетерминирование* (от лат. *trans* – через). Трансдетерминация характерна для иных, чем сфера экономического поведения, областей деятельности людей.

Но при этом нельзя не заметить, что трансдетерминация имеет место при капитализме и в сфере экономической деятельности. Люди в этой области должны руководствоваться не только экономическими мотивами, но и нормами права. А с другой стороны, по мере развития капитализма ортодетерминация все в большей и большей степени проникает и во внеэкономические сферы: политики, брака и семьи, искусства и т. п. Происходит то, что носит название коммерциализации тех или иных видов человеческой деятельности.

Выгодой и расчетом при капитализме стали определяться действия людей не только в экономической, но и в других сферах жиз-

ни. «Буржуазия, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс, – повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана”. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой»¹⁶.

Буквально то же самое пишет в наше время британский социолог К. Кумар. «Рыночные механизмы и ментальности, – утверждает он, – проникают в каждую сферу жизни – не только в труд и политику, но и в отдых, дружбу, семью и брак. Все подчинено капиталистической рациональности “наименьшей стоимости” и “максимальной выгоды»»¹⁷.

В результате непрерывно нарастающей коммерциализации заключение брака превращается в сделку, искусство уступает место шоу-бизнесу, артисты трансформируются в шоуменов. С развитием коммерциализации исчезает мораль, идет даже не одичание людей, а их оскотинивание¹⁸.

В отличие от капиталистических экономических отношений докапиталистические экономические связи могут определять волю и тем самым действия только через посредствующие звенья, прежде всего через ту или иную форму социальной воли. Это имеет место и в сфере экономического поведения. В докапиталистических обществах во всех областях человеческой деятельности одинаково происходит трансдетерминирование. Но это требует известной оговорки.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 426.

¹⁷ Kumar K. The Rise of Modern Society. – Oxford, 1988. – P. 119.

¹⁸ См.: Семенов Ю. И. Философия истории (Общая теория исторического процесса). – М., 2013. – С. 523 сл.

Хотя капиталистические социально-экономические отношения способны не только к ортодоминированию, но и к трансдетерминированию, они вполне могут быть названы ортодоминирующими экономическими связями, кратко – *ортоэкономическими* связями, ибо именно в ортодоминировании заключена их специфика. Докапиталистические экономические отношения вполне могут быть названы трансдетерминирующими экономическими связями, кратко – *трансэкономическими* связями. Первобытно-коммунистические, первобытно-престижные¹⁹, политарные²⁰, рабовладельческие, феодальные отношения, сами по себе взятые, были трансэкономическими.

Капитализм появился поздно, но товарно-денежные, рыночные отношения возникли и существовали задолго до него. И эти связи, как и капиталистические, были не трансэкономическими, а ортоэкономическими. Они, как и капиталистические отношения, определяли волю и поведение людей в сфере экономической деятельности в основном не через промежуточные звенья, а прямо, непосредственно. И в эпохи, когда рыночные связи получали значительное развитие, люди осознавали их существование как объективную силу, определяющую их сознание и волю. И это господство рыночных связей над ними люди чаще всего осознавали как власть денег. Так было во время расцвета древнегреческого общества. Вот что, например, говорит один из героев трагедии Софокла «Антигона»:

Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дома выгоняют граждан
И учат благородные сердца
Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным²¹.

И совершенно неудивительно, что именно к античной эпохе относится первая попытка не просто описать явления экономиче-

¹⁹ О первобытном коммунизме и престижной экономике см.: Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – М., 2014.

²⁰ О политаризме см.: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства. Сущность и место в истории человечества и России. – М., 2011.

²¹ Софокл. Антигона 300.

ской жизни, но проникнуть в суть экономических отношений. Она была предпринята великим греческим мыслителем Аристотелем. В его «Никомаховой этике» впервые была поставлена проблема стоимости. А в «Политике» он впервые же попытался дать анализ капитала в тех его формах, в которых последний существовал в ту эпоху: в форме торгового и ростовщического капитала. Для деятельности, направленной на извлечение прибыли, Аристотель предложил даже особый термин – хрематистика. Поэтому некоторые историки политэкономии считают, что именно он стоял у истоков этой науки²². Но поставив все эти проблемы, Аристотель их не решил. И вряд ли его можно за это упрекнуть.

В последующей истории власть товарно-денежных, рыночных отношений была достаточно четко осознана в обществе Западной Европы после переворота, который иногда называют коммерческой революцией²³. Эти отношения тоже осознаны в виде власти денег. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует «Стих о всеисилии денег» (XII–XIII вв.) неизвестного поэта-ваганта:

Ныне повсюду на свете
Великая милость монете.
Ныне деньгою велики
Цари и мирские владыки.
Ради возлюбленных денег
Впадет во грехи и священник;
И на вселенском соборе лишь
Золото властвует в споре.
<...>
Деньги повсюду в почете,
Без денег любви не найдете.
Будь ты гнуснейшего нрава –
За деньги поют тебе славу.
Нынче всякому ясно:
Лишь деньги царят самовластно!

²² Поланьи К. Аристотель открывает экономику / К. Поланьи // Избранные работы. – М., 2010.

²³ См.: Lopez R. S. The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950–1350. – Cambridge etc., 1976.

Трон их – кубышка скупого,
И нет ничего им святого.²⁴

Но до появления капитализма товарно-денежные отношения, сами по себе взятые, никогда не образовывали целостной самостоятельной системы (общественно-экономического уклада). Они существовали в виде придатка, иногда весьма существенного, к целостным системам иных социально-экономических отношений. Были экономики с рынками, но не было рыночной экономики. Существовали ортоэкономические отношения, но не было ортоэкономик. Первой и единственной ортоэкономической системой является капиталистическая. Все докапиталистические экономики были трансэкономиками. И это отсутствие в предшествующей капитализму истории человечества ортодоминирующей экономики нередко истолковывается как отсутствие во всех докапиталистических обществах экономики вообще. В действительности же во всех этих обществах существовали и были их фундаментами, базисами именно экономики, но только экономики не ортодоминирующие, а трансэкономии, не ортоэкономии, а трансэкономии.

Именно потому, что капиталистические социально-экономические отношения детерминируют поведение людей в сфере экономической деятельности не только через право, и прежде всего не через право, а прямо, они и были замечены как таковые, как особые отношения, отличные от правовых, волевых, как экономические. В отличие от них докапиталистические отношения прямо не детерминировали даже в сфере экономической деятельности поведение людей. Именно это и породило иллюзию их полного отсутствия. Экономических отношений просто не замечали. Видели лишь волевые, нормативные отношения собственности: моральные в первобытном обществе, правовые – в докапиталистических классовых обществах.

²⁴ Неизвестный поэт-вагант (в пер. М. Л. Гаспарова). Стих о всесии денег (XII–XIII вв.) // Поэзия вагантов. – М., 1975. – С. 149–151.